

Марксизм, Ленин, революция: метаморфозы великой легенды

Владимир Булдаков

**Marxism, Lenin, revolution:
metamorphoses of a great legend**

Vladimir Buldakov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870009248-3

Юбилеи выдающихся людей, подобно коммеморациям революции, имеют примечательную историю. Так, 50 лет назад в обязательном по такому случаю документе ЦК КПСС «вождь Октября» был представлен человеком, подарившим миру «единственно верную» теорию, триумфально озаряющую не только славное советское прошлое, но и поступательное движение в будущее (хотя уже и без обещанного коммунизма). Затем всё изменилось. В постперестроечное время В.И. Ленин стал объектом всевозможных поношений. Конечно, звучали и сдержанные оценки, со временем появились новые почитатели. Психологически это понятно.

Но как отделить многослойную легенду от реального Ленина? Журналист Л.А. Данилкин, автор современной «примиренческой» книги, взялся провести эксперимент, надеясь преодолеть общественный невроз, «вызванный подавленной психотравмой». В предисловии к своей объёмистой книге он задался вопросом: что произойдёт при столкновении пропагандистского образа с «кубометром тёмно-синих томов ленинского Полного собрания сочинений»¹. Намерение похвальное: труды Ленина забыты, о его делах рассказывают небывлицы. Но как возвратиться к реалиям «утраченного времени»? Возможно ли это в принципе? И возникнет ли желанный терапевтический эффект?

Ленин однажды заметил, что Россия «выстрадала марксизм». В советское время это звучало горькой иронией. На марксизме, как и на ленинизме (если признать, что они существовали как реальность, а не как миф), лежала печать большой, но «больной» эпохи, — разумеется, с её неперменным утопическим противовесом. Попытка строительства на столь сомнительном основании идеократической государственности не могла не вылиться в акцию социокультурного садомазохизма.

© 2020 г. В.П. Булдаков

¹ Данилкин Л.А. Ленин. Пантократор солнечных пылинок. М., 2017. С. 777. Название книги следует, вероятно, интерпретировать как «повелитель просветлённых людских умов». Соответствующий образ навеян пифагорейскими представлениями о людских «душах как пылинках в солнечном луче». Он приводится (скорее всего, без всяких аллюзий) Лениным в «Философских тетрадах» при пересказе Гегеля, который, в свою очередь, пересказывает Аристотеля. См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 29. М., 1969. С. 324.

Сам Данилкин предложил своего рода «топографическую» биографию Ленина с вкраплениями (порой сомнительными в силу их мемуарно-агиографического происхождения) бытовой истории. Но достаточно ли этого для возвращения к смыслам прошлого? Несомненно, высветить среду *физического* обитания культовой фигуры в повседневно-бытовом пространстве важно и необходимо. Но куда важнее уловить и передать *дух эпохи*, «цвет времени», вровень с которым — вольно или невольно, искренне или лукаво — оказался поставлен человек, признанный вождём грандиозного мирового переворота. При этом нельзя забывать, что чрезмерная детализация повседневности — от сферы потребления до интимных взаимоотношений — способна девальвировать само понятие *хронотопа*, сотканного из *тонких* материй исторического бытия.

К. Маркс: ожидаемый пророк?

Биографию Ленина следует начинать с того, чему или кому он поклонялся. Принято считать, что он вышел из Маркса, как воинственная Афина из головы Зевса. Но так ли это просто?

Можно, конечно, принять за аксиому, что Маркс создал холистическую систему, способную объяснить всё что угодно включая неизбежность появления Ленина. Когда-то примерно так и считалось. Можно вслед за тем представить в аналогичном пророческом качестве и самого Ленина. Но это *уже* делалось в советское время. Поэтому лучше поступить с точностью до наоборот. И Маркс, и Ленин были не только продуктами своей эпохи (с чем оба, скорее всего, согласились бы), но и её своеобразными заложниками, превращёнными в востребованные уже другими временем и средой символы.

Люди удивительно легко впадают в идеологические соблазны, однако с трудом разбираются в истоках былого ослепления. Это хорошо понимали ранние критики Маркса, отмечая его «фанатичный темперамент». А Ленина особенно бесили заявления о том, что социалистическая революция у Маркса это «выродившаяся в шарлатанство иллюзия мечтателя в состоянии экстаза»². Но такие двусторонние реакции естественны. Всякая эпоха выдаёт свой набор интеллектуальных девиаций, получающих шанс предстать со временем в виде «прозрений». Возможно, они таковыми и являются.

Как бы то ни было, «из всех страстей, разрывавших вскормившую их грудь современной демократии, самая мощная — ненависть к буржуазии»³. Вскормить эту ненависть Маркс помог как никто другой. Свой главный труд «Капитал» он неслучайно считал самым страшным снарядом, когда-либо пущенным в голову буржуа. А всякая страсть тотального отрицания не может не возрождаться в новых поколениях — особенно в эпоху исторических катаклизмов. Пресловутый «снаряд», похоже, особенно эффектно залетел в стоячее болото российской действительности.

Возможно, в иные времена марксизм мог бы остаться одним из многочисленных памятников радикальной экономической мысли. Случилось иное: он стал подобием светской религии или религиозной схизмы, отвергающей основы и Ветхого, и Нового заветов. Во имя чего? Во имя страстного, по существу религиозного бунта против не оправдавших надежд старых богов. И этот феномен

² Ленин В.И. ПСС. Т. 29. С. 346.

³ Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998. С. 18, 21.

был подготовлен всей «антирелигиозной» эпохой Просвещения, последовавшей за Ренессансом и Протестантством (через которые «перескочила» Россия).

С чем это связано? В эпоху скрыто нарастающей нестабильности «застойного» социального пространства диссипативные личности устремляются на поиск «своих» божков (точнее идолов). Маркс предугадал появление невиданного ранее объекта поклонения — заземлённого божества, именуемого пролетариатом. Таково было «материалистическое» общеевропейское поветрие. Особенно заметно оно сказалось на периферии тогдашнего капитализма — в «аграрной» России, вольно и невольно становившейся промышленной.

В своих исходных установках марксизм превратно религиозен. На место страдающего Бога в нём поставлен «угнетённый класс» — новый мессия, который, как ожидалось, революционным путём из «последних станет первым». В пролетарском интернационализме, как и в христианстве, не должно было быть «ни эллина, ни иудея». Но солидарность достигалась отнюдь не братской любовью, а насилием против «насильников». Это отвечало энергетическому напряжению того времени. Сама идея Прогресса парадоксальным образом вступала в период своего агрессивно-утопического существования. «Диктатуре разума» суждено было вырождаться в диктатуру идеи. Немногие, как Ленин, готовы были поверить в это.

То, что «научная доктрина» Маркса религиозна по своей структуре, а его материализм выливается в революционно-идеалистическую практику, замечено давно. Об этом писал лидер эсеров В.М. Чернов, ссылаясь на статью небезызвестного бельгийского социалиста Э. Вандервельде «Идеализм в марксизме»⁴. Более основательно высказался российский экс-марксист С.Н. Булгаков, подобно многим выходцам из священнической среды ринувшийся на поиски новой веры (это было повальным явлением⁵), однако не сумевший укрепиться в ней и возвратившийся в лоно православия. Впрочем, его критика Маркса выглядит односторонней. Он осуждал по преимуществу его антигуманный атеизм, не замечая или не решаясь признать в нём прародителя нового contagiозного верования.

Бывают времена, когда даже трезвые умы словно впадают в ослепление (выдаваемое за просветление), а затем рьяно следуют инерции «нечаянного» выбора. У некоторых на это уходит вся жизнь. Легче всего это удаётся тогда, когда растущую массу позитивистских аргументов подпитывает утопия. «Мы должны констатировать, — отмечал Булгаков, — что наиболее глубокое, определяющее влияние Маркса на социалистическое движение в Германии, а позднее и в других странах, проявилось не столько в его политической и экономической программе, сколько в общем религиозно-философском облике»⁶. Действительно, доктор Маркс, начавший как революционный романтик, все силы бросил на главный труд жизни: «Капитал» — сочинение дотошно наукообразное, претендующее на системность и всеохватность, но при этом (с помощью вольно интерпретированной гегелевской диалектики) разрывающее привычные причинно-следственные зависимости. Это походило на практику

⁴ Чернов В.М. Философские и социологические этюды. М., 2011. С. 358—359.

⁵ См.: Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс. Православное сельское духовенство России во второй половине XIX — начале XX вв. М., 2002. С. 55—94.

⁶ Булгаков С.Н. Карл Маркс как религиозный тип (Его отношение к религии человекобожия Л. Фейербаха) // Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990. С. 338.

кабинетного сочинения «философии чуда», но оказалось воспринято как открытие, тем более что неуклонное обличение «ужасов капитализма» производило завораживающий эффект.

Маркс был человеком потрясающей работоспособности и выдающейся эрудиции. Это позволяло имплицитно и эксплицитно подхватывать новаторские идеи своего времени. Так, трудовую теорию стоимости — ядро социально-революционной философии — создал не он, а Д. Рикардо. Но главная особенность марксизма заключалась в «формационной теории» — представлении о неуклонно-ступенчатом восхождении человечества от низших форм общественной жизни к высшим. Она позволяла даже человеку ограниченных возможностей ощутить себя всезнайкой. Используя этот психологический механизм, можно было изменить духовный тонус целых поколений. Так и случилось в XX в. — марксистская психозависимость поразила даже антикоммунистов. «Избавляясь от марксизма-ленинизма... думали, что избавляются от самого Маркса. Но это не так-то просто, — признал современный западный глобалист. — Выпроводишь Маркса в дверь, а он грозит пролезть в окно. Ибо Маркс не исчерпал своего политического значения и своего интеллектуального потенциала (как раз наоборот)»⁷.

Сделавшись светской религией, марксизм стал почти неуязвим для научной критики. Как результат, исследователи разделяют Маркса-экономиста и Маркса-утописта. Так удобнее. Тем временем идеологам марксизма в ходе схоластических склок между собой суждено было измельчать. Всякая вера девальвируется под давлением бытовых верований. В советское время преподаватели «научного коммунизма» превратились в начётчиков, неспособных бороться за умы последователей. Результатом стало культивирование благостно-безликих фигур и Маркса, и Ленина. Слова отлетели от смыслов. От великой утопии осталась терминологическая шелуха. Приходится возвращаться назад.

В марксистском этосе изначально не было ни грана гуманистического солидаризма. К тому же «интернационалист» Маркс оставался не только европейским гегемонистом, но и немецким националистом. В этом ничего необычного: выдающиеся умы человечества отнюдь не обладают иммунитетом против предрассудков своего времени. Идеи вообще слабы перед разгулом человеческих страстей, всякий раз разгорающихся — иной раз в противовес утопиям — в переломные моменты истории. В Российской империи, где никогда не было ни полноценных отношений собственности, ни даже общества в европейском смысле слова, власть всегда рисковала остаться *наедине* с людской *массой*, подверженной *внешним* идейным влияниям.

Разобраться в этом непросто. Уместно вспомнить слова Ф. Энгельса о «немецком» понимании истории, в рамках которой прошлое «становится... историей предвзятых идей, сказкой о духах и призраках, а действительная, эмпирическая история, составляющая основу этой сказки, используется только для того, чтобы дать тела этим призракам; из неё заимствуются имена, которые должны облечь эти призраки в видимость реальности»⁸. Сказанное похоже на выпад против нынешнего постмодерна. Однако эгоцентричный соблазн упорядочения «хаотичного» прошлого существовал всегда. Между тем подлинный профессионализм историка состоит в умении свободно перемещаться между

⁷ Валлерстайн И. После либерализма. М., 2018. С. 210.

⁸ Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М., 1955. С. 115—116.

бытом и вымыслом, фактом и метафорой, психологией и мифологией, не забывая, что за всем этим стоит набор пресловутых архетипов, болезненно взаимодействующих с вызовами большого исторического времени. Из этого и складывается источниковедение — в его основе лежит критика источников, создаваемых «несовершенными» людьми.

Марксисты versus народники? О «пользе» схоластических споров

Считается, что Маркс до конца жизни отмахивался от всевозможных «марксистов». Это не мешало ему покровительствовать своим почитателям из России. Большой человек не избегает соблазна самоутверждения на фоне «мелкоты». Он не лишён маленьких слабостей и даже дурных наклонностей — что не раз зафиксировано биографами.

Давно замечено, что российское социокультурное пространство «избыточно» эмоционально⁹. При этом Россия «обделена» традицией средневековой схоластики, дисциплинировавшей европейское сознание. Отсюда известная склонность: эмоции превращаются в нравственные максимы, максимы — в понятия, понятия — в «теории». Отсюда же и пресловутые споры славянофилов и западников, достигшие апогея в 1890-х гг. в полемике «победителей» марксистов с «проигравшими» народниками.

На деле всё не столь просто. Наиболее показательно проделал путь от народничества к марксизму Г.В. Плеханов. Но он находился в эмиграции, в России его сочинения знали понаслышке. До 1894 г. российская интеллигенция оставалась в доктринальном смятении. «Мы были толстовцами и радикалами, политиками и социалистами», — вспоминал самый заметный внутрироссийский экс-марксист (превратившийся со временем в неприкаянное политическое существо) П.Б. Струве о настроениях студенчества¹⁰. В то время вообще было принято хвататься за всякую новейшую западную теорию (Плеханов называл это «обезьянничаньем» русской интеллигенции). Самого Струве можно отнести к редкому типу «состоявшегося вундеркинда», причём благодаря главным образом образцом исключительным обстоятельствам. Он легко увлекался. В 14 лет в дневнике объявил себя славянофилом и «либералом почвы», сторонником самодержавия и «народного представительства», а также противником бюрократии¹¹. В студенческие годы, напротив, «волнуясь и заикаясь, говорил о подвиге Желябова и Перовской и призывал... сказать Владимиру Соловьёву прямо, что мы считаем себя продолжателями их дела и что то, что он называет бессмысленными злодеяниями, мы считаем “подвигами”»¹². Вероятно, налицо случай «демонстративного героизма», свойственный юношам, — особенно тем, которые сознают свою врождённую неспособность следовать вдохновляющему примеру.

Сегодня Струве, как и в советское время, представляют едва ли урождённым либералом. Имеются, однако, свидетельства, позволяющие в этом усомниться. В.В. Розанов — публицист слишком эмоциональный, чтобы круто соврать, — вспоминал, что, когда он публично обозвал А.И. Желябова «дура-

⁹ Buldakov V.P. Revolution and emotions: towards a reinterpretation of political events of 1917 // Russian History. 2018. Vol. 45. P. 196—230.

¹⁰ Россия и славянство. 1930. 20 сентября.

¹¹ РГАСПИ, ф. 279, оп. 1, д. 1, л. 3—4.

¹² Мартюв Ю. Записки социал-демократа. Кн. 1. Берлин, 1922. С. 76.

ком», Струве накинута на него «с невероятной злобой». Но он же говорил о революционерах вещи, которые Розанов якобы «себе никогда не позволял»¹³. В общем, в России жертвенных террористов почитали, а Струве «краснел» и «левел» под влиянием доминирующих идейных страстей. В редакционной статье заграничного «Освобождения» он утверждал, что истинными виновниками провала либерального правительственного курса являются не террористы, а те, кто удерживал слабавольного Александра II от завершения реформ¹⁴. Через год высказался ещё яснее: «Самодержавие есть гражданская война со всеми её бедствиями... главный виновник всех политических убийств»¹⁵.

Похоже, что с народнического экстремизма начинал сам Ленин, и это позднее ставилось ему в вину некоторыми ортодоксальными марксистами. Разумеется, с этим невозможно было смириться советским иконописцам. Но находились и исключения. В студенческие годы, познакомившись с объёмистой (почти 600 страниц) книгой Ю.З. Полевого «Зарождение марксизма в России», я был изумлён: а где же Ленин? Смешно признаться, но, воспитанный в атеистической традиции, я был подсознательно убеждён, что Маркс и Ленин составляют нечто вроде Бога-отца и Бога-сына. И если я (плохой студент) был удивлён, то кое-кто наверху негодовал: не могло быть в России никаких марксистов до Ленина! В общем, через три года Полевому пришлось защищать докторскую диссертацию, названную «Рабочее движение 80-х — начала 90-х гг. XIX в. и первые марксистские организации в России»¹⁶. Как говорится, почувствуйте разницу! Тогда ещё не перевелись «наивные» исследователи, не догадывающиеся, что их дотошность мешает официальным идеологам.

Парадоксально, но Маркса впервые перевели именно в России. Впрочем, ещё до первого перевода, осуществлённого крестьянофилами-народниками, здесь появился своего рода катедер-марксист Н.Н. Зибер, успешно защитивший диссертацию «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях». В ней он, между прочим, настаивал, что «теория происхождения чистого дохода, или прибавочной ценности, в связи с общей теорией ценности, представляет ядро всего сочинения “Капитал”, дальнейшее содержание которого является не более как развитием деталей и усложнений той и другой»¹⁷. Разумеется, Зибер, как и последующие марксисты, не мог знать, что в третьем томе «Капитала» Маркс «опроверг» самого себя: прибыль в не меньшей степени связана с рыночной конъюнктурой.

Обличение Марксом ужасов буржуазной эксплуатации не могло не понравиться людям, рассчитывавшим избежать «вредоносного» капитализма. Для народников марксизм сыграл роль полезного и своевременного подспорья. Однако он одновременно вдохновил и других: тех, кого раздражала общественная двусмысленность народничества — то ли террористического, то ли либерального. Их привлекал капиталистический «прогресс». Как ни странно,

¹³ Розанов В.В. Уединённое. М., 1990. С. 309—310.

¹⁴ От редактора // Освобождение. 1902. 18 июня (1 июля).

¹⁵ Струве П.Б. Кто притупляет общественное сознание? // Освобождение. 1903. 19 мая (1 июня).

¹⁶ Ср.: Полевой Ю.З. Зарождение марксизма в России. 1883—1894 г. М., 1959; Полевой Ю.З. Рабочее движение 80-х — начала 90-х гг. XIX в. и первые марксистские организации в России. М., 1961.

¹⁷ Зибер Н.И. Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях. М., 1937. С. 303. Диссертация Зибера, похоже, была опубликована тогда по недоразумению — такое случилось.

его можно было возвеличить с помощью всё того же марксизма, представив его социально эволюционной теорией (по аналогии с учением Ч. Дарвина). «Социальная философия Маркса была вызвана к жизни громадной массой противоречий, в которых запуталось современное ему человечество в сфере познания самого себя, своей общественной природы»¹⁸, — к такому заключению пришёл выдающийся ум своего времени, друг/враг Ленина А.А. Богданов (Малиновский). Но стремление к «ясности» породило двоякий эффект.

Можно предположить, что радикальной части русской интеллигенции *in corpore* пришлось пережить то, что некогда пережил Маркс — человек, чей отец порвал с семейными талмудистскими традициями в пользу «более перспективного» протестантизма. Земский статистик кн. В.А. Оболенский, марксист и социал-демократ, а затем кадет, вспоминал: «Из своих наблюдений над русской деревней я всё больше убеждался в правильности марксистских прогнозов в отношении России... Я усвоил марксистскую уверенность в том, что Россия, чтобы стать страной социализма, должна предварительно пройти через фазу развития капиталистического прогресса индустриального и сельскохозяйственного, и что переход крестьян от общинного к частному землевладению не только влечёт за собой повышение культуры, но и в конечном счёте приближает Россию к социалистическому строю». Впрочем, Оболенский «не принадлежал к типу людей, взгляды которых создаются из увлечения отвлечёнными теориями и доктринами». Он «не склонен был видеть в пролетариате какого-то избранника экономического процесса, которому предстояло вести остальное человечество в царство Свободы и Справедливости»¹⁹. Для него, как для многих интеллигентов 1900-х гг., марксизм стал лишь этапом идейного самоопределения. Другой видный экс-марксист Н.А. Бердяев признавался: «В марксизме меня более всего пленил историософический размах, широта мировых перспектив... Марксизм конца 90-х годов был несомненно процессом европеизации русской интеллигенции, приобщением её к западным течениям, выходом на большой простор»²⁰.

Считается, что на руку тогдашним марксистам сыграли знаменитые петербургские рабочие стачки второй половины 1890-х гг. Однако легальный имидж доктрины укрепился постольку, поскольку она стала ассоциироваться с социал-демократией *реформистского* типа. Это не удивительно: всякая доктрина по мере превращения в Веру раскалывает адептов на ортодоксов и еретиков, «мужественных революционеров» и «трусливых ренегатов». Трудно сказать, чья масса оказалась тогда внушительней. По некоторым данным, осенью 1899 г. в Петербурге существовало «три фракции» (скорее всего, это были эфемерные объединения) последователей лидера германских ревизионистов Э. Бернштейна²¹. Осенью 1900 г. М.И. Туган-Барановский был приглашён известным либеральным адвокатом Д.В. Стасовым прочитать лекцию о Бернштейне. Собралось около 100 человек, полиция проявила бдительность и переписала присутствующих. Среди последних оказалась «некая княгиня», которая «подняла шум по поводу произвола властей, что вызвало восторг либерального общества»²².

¹⁸ Богданов А.А. Из психологии общества. М., 2016. С. 272.

¹⁹ Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники. Воспоминания, 1869—1920. Т. 1. М., 2017. С. 221—222.

²⁰ Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 118.

²¹ РГАСПИ, ф. 362, оп. 1, д. 37281, л. 24.

²² Листок «Рабочего дела» (Женева). 1900. № 4. С. 12.

Но существовала и другая сторона медали. «Социологию Маркса я принял в те годы целиком и совершенно уверовал в пролетариат как строителя будущей цивилизации, — утверждал поэт Г. Чулков. — Нравилась стройность системы, казалась убедительной начертанная Марксом схема классовой борьбы... Самая фатальность исторического процесса, неуклонно идущего к коллективизму, внушала тот оптимизм, которого так не доставало серой и унылой действительности»²³. С помощью марксизма часть интеллигенции освобождалась от народнической «стадности» в пользу независимого выбора. Неслучайно Чулков со временем обрёл себя в качестве «мистического анархиста». Другие, напротив, подались вправо. Запоздалые шараханья такого рода обычно происходят на фоне засилья неизбежных догматиков.

Как бы то ни было, в России своей заразительностью марксизм обязан Струве. Идеи «пионера русского марксизма» Г.В. Плеханова до широкой публики почти не доходили, тогда как появление в 1894 г. книги Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» вызвало фурор своей заключительной — антинароднической — фразой: «Признаем нашу некультурность и пойдём на выучку к капитализму». С этого момента развернулась поистине фантазмагорическая борьба за идейное наследие Маркса. Позднее Богданов высказался так: «Когда-нибудь найдётся историк, который напишет сравнительный анализ стратегии и тактики в войне идеологий, а может и философ-поэт, который в широком, социальном масштабе изобразит “Метаморфозы” борющихся идей»²⁴. Хорошо бы!

Для продвижения идеологий нужны соответствующие типы наставника и последователей. Струве не годился на роль проповедника — он постоянно «менял кожу» под влиянием обстоятельств. «К чисто научной деятельности я не способен, — сообщал этот 14-летний сын экс-губернатора. — Я терпеть не могу философии и вообще не признаю никаких философских убеждений, но исповедую только религиозные и политические... Философия человеческой мысли, логика нечто вообще не нужное»²⁵. В студенческие годы он «резко протестовал против призывов не к общественной деятельности, а к метафизике». Современники утверждали, что его суждения о В.С. Соловьёве свидетельствовали о негодовании «против самой постановки вопросов не с классовой точки зрения»²⁶. Трудно было вообразить, что струвистам суждено вернуться и к «метафизике», и к Соловьёву. Однако в этом нет ничего необычного: людей, готовых объявить нелепостью буквально всё, не соответствующее их *сегодняшним* умонастроениям, на Руси всегда в избытке.

Застойная среда провоцирует юношескую импульсивность, но Струве удивительно медленно «взрослел». Несомненно, в росте его популярности сыграло свою роль «Открытое письмо» Николаю II. Едва вступив на престол, нервный молодой император во время приёма земских либералов, с трепетом наметнувших на желательность реформ, повелел забыть о «бессмысленных мечтаниях». Это было за границами тогдашней политкорректности. Воспользовавшись этим, Струве от лица общества пригрозил царю борьбой, которая «не заставит себя ждать»²⁷.

²³ Чулков Г. Годы странствий. М., 1999. С. 32.

²⁴ Богданов А.А. Падение великого фетишизма. Современный кризис идеологии. М., 2010. С. 142.

²⁵ РГАСПИ, ф. 279, оп. 1, д. 1, л. 6, 13, 19.

²⁶ Воден А. На заре «легального марксизма» // Летописи марксизма. 1927. Т. 3. С. 76—77.

²⁷ Бурцев В. За сто лет. 1800—1896. Лондон, 1897. С. 276.

Струве пытался объединить либералов и марксистов в борьбе против самодержавия. Это соответствовало и установке Ленина, поначалу намеревавшегося последовательно двигаться от демократии к социализму. Понятно, что скоро они потянули в разные стороны. Отсюда последующий разрыв и взаимные упрёки — «обиженные» со стороны Струве, озлобленные со стороны Ленина. Соответственно, со времён «Краткого курса» в учебниках непременно клеймились «*легальные* марксисты». Присутствие в освободительном движении Струве, Туган-Барановского, Булгакова, Бердяева и др. подавалось более чем странно. С одной стороны, следовало усвоить, что эти буржуазные либералы «примазались» к «самой передовой теории», чтобы выхолостить её в угоду реакции. С другой стороны, можно было узнать, что автором манифеста I съезда РСДРП (1898), с которого принято вести родословную большевизма, являлся Струве. Конечно, данный съезд — событие чисто символическое. Однако, если исходить из текста манифеста, получается, что будущий правый либерал окрестил ленинцев в купели террористической «Народной воли».

Бывают времена, когда абстрактная социальная доктрина, зацепившись за людские души, начинает формировать пространство утопии, чтобы со временем, вернувшись в среду образованных людей, превратиться в устойчивую мифологию. По утверждению С.Л. Франка, «большинство русских людей *веровало в революцию вообще и мечтало о ней*»²⁸. Вокруг этой коллективной *idée fixe* вертелись «ортодоксы» и «еретики», догматики и критики, доктринёры и фантазёры, а то и просто бесшабашные демагоги. Реже появлялись люди с «истиной в кармане». Именно на последних фокусируется всеобщее внимание — они указывают *путь* из «тупика» к некоему *идеалу*.

Имперских охранителей марксизм волновал мало. Даже колоссальные *легальные* успехи германской социал-демократии, с начала 1890-х гг. начавшей стремительно наращивать своё представительство в рейхстаге, не вызывали беспокойства. Россия считалась аграрной страной, причём после голода 1891—1892 гг. могло показаться, что новая пугачёвщина не предвидится — крестьянство не взбунтовалось. Беспокойство властей вызывали разве что террористы (которые водились везде и всегда), да земские либералы, настырно посягавшие на патерналистские прерогативы самодержавия. Репрессивная машина не умела разглядеть разрушительный потенциал *идеи* как таковой. Ещё менее беспокоился насчёт последствий своих выступлений Струве. Зато настойчиво думал над тем, «что делать», Ленин.

В 1890-х гг. Струве вызывал и восхищение, и зависть. Его книга до такой степени пестрела цитатами из всевозможных «авторитетов», что народники обозвали её «плодом плохо переваренной эрудиции», а Ленин — произведением «буржуазного объективизма». Затем пришла «классовая» ненависть. Основания для этого имелись. Литературный социал-демократ из рядового вероотступника превратился в ведущего автора «этапных» для либеральной идеологии сборников «Проблемы идеализма» (1903), «Вехи» (1909), «De profundis» (1918). Люди осторожные инстинктивно отшатнулись от призрака «красной смуты». Впрочем, пресловутые «Вехи» Богданов неслучайно назвал «сборником поумневших под кнутом реакции русских либералов»²⁹. Каждый толковал ситуацию по-своему.

²⁸ Франк С. Из размышлений о русской революции // Русская мысль. 1923. Кн. VI—VIII. С. 241.

²⁹ Богданов А.А. Падение великого фетишизма... С. 143.

Едкую оценку Струве дал Л.Д. Троцкий. По его мнению, экс-марксист представлял «олицетворённую беспринципность в политике», будучи «совершенно лишён *физической силы мысли*». «Критические заметки» явились «эклехтическим соединением “критической” философии, вульгаризованного марксизма и подправленного марксизмом мальтузианства». Естественно, их автору пришлось уйти в «исторически выморочный» либерализм с «его неспособностью на инициативу, его отчуждённостью от рабочих масс». К этому добавлялось то, что взгляды Струве «всегда находились в процессе непрерывного линiania»³⁰.

Конечно, помогали «легальным марксистам» и врождённые слабости русской «передовой» мысли. По мнению неонароднического литературоведа Р.В. Иванова-Разумника, благодаря марксизму «русская социалистическая мысль вышла, наконец, на верный путь из того позитивистского тупика, в котором она беспомощно толкалась более полувека»³¹. Известный социал-демократический публицист В.А. Базаров сходным образом полагал, что струвистский идеализм стал «лестницей», ведущей из пошлой обыденщины к «вечно зияющему абсолюту»³². Впрочем, политики склонны не тянуться к «абсолюту», а скорее прятаться за него.

Всякая популярная личность со временем может вызвать отторжение — такова природа общественных пристрастий. В глазах одного монархиста Струве предстал «растлителем» русской интеллигенции и, вместе с тем, «патриархом русской революции». Получалось, что «первый камень в царский престол бросили не бесы подполья, а наэлектризованная ими привилегированная группа бар-помещиков с фрондирующими отпрысками родовой аристократии»³³. На деле, с одной стороны, марксизм научил интеллигенцию умозрительно спрямлять причинно-следственные связи, с другой — обеспечил невозможное, казалось бы, смыкание традиционалистского и прогрессистского типов мировосприятия. В определённых социально-исторических условиях это чревато непредсказуемыми последствиями. Разумеется, до революционной нетерпимости довели этот процесс отнюдь не «легальные марксисты». Но семена злого сомнения в «исторически бесполезном» самодержавии посеяли именно они — этому помогал «дух времени». М.И. Пришвин, вспоминая Германию 1900 г., писал: «Я был уверен, что вот-вот совершится мировая катастрофа, пролетариат всего мира станет у власти и жить на земле будет всем хорошо». Это чувство держалось несколько лет³⁴. Людей диссипативного склада в России того времени имелось более чем достаточно. Но боязливых всегда больше.

Как ни парадоксально, террористы и либералы оказались людьми «одной крови». Разница лишь в том, что революционеры готовы были крушить старое под лозунгом «Разрушение есть созидание», а либералы не могли расстаться с надеждами на «прогрессивную» бюрократию. Между тем Маркс и Энгельс признавали террор «исторически неизбежным способом действия», Плеханов старался не отставать от них, относительно Ленина и говорить не приходится. Это формировало известную общественную склонность. И неудивительно, что

³⁰ Тахотский [Троцкий] Л. Господин Пётр Струве в политике. СПб., 1906. С. 3—4, 7.

³¹ Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. Т. 2. М., 1997. С. 187, 190.

³² Базаров В. Судьбы русского «идеализма» за последнее десятилетие (От «критического марксизма» к «Вехам») // Из истории новейшей русской литературы. М., 1911. С. 153.

³³ Краинский Н.В. Психофильм русской революции. М., 2016. С. 25, 27.

³⁴ Пришвин М.И. Дневники. 1918—1919. М., 1994. С. 74.

марксизм стал восприниматься в качестве радикальной антитезы существующей действительности. Такова естественная «магия» перевоплощения идей, претендующих на всеохватность. Особенно в условиях наступившего «империализма». Сегодня этого термина избегают, однако он превратился в «концепт-призрак», монопольно объясняющий происхождение Первой мировой войны (блоковое противостояние великих держав).

Генезис тотального протеста

Как Ленин входил в историю? Откуда появилось само его имя, впервые прозвучавшее в 1901 г.? Существует масса версий, которые носят то наивно-символический, то вульгарно-конспирологический, а то и мистико-демонический характер. Среди них и придумки о сибирской реке Лене, и об одноимённой таинственной даме. Приписывают Ленину и «кражу» фамилии у почтенного члена Вольного экономического общества. К числу наиболее экзотических версий относится ссылка на «*Vaticanium Lehninese*» — древнее пророчество германского монаха, ставшее известным в конце XVII в.³⁵ Исследовали не обращали должного внимания на то, что «Ильич» вырос в добропорядочной патриархальной семье служилого дворянина в провинциальном захолустье (так и позднее называли Симбирск). Поначалу Володю считали ребёнком «проблемным» (научился ходить лишь в три года). Затем последовало что-то вроде интеллектуальной и физической гиперкомпенсации — он буквально стал терроризировать ближних своими отнюдь не безобидными шутками и выходками. Отсюда гипотеза американского исследователя Ф. Помпера: псевдоним, в происхождении которого Ленин не признался даже собственной жене, связан с преодолением былой «лени». Не случайно использовавший более 160 псевдонимов Ульянов из цензурных соображений в шутку предложил подписать свою книгу «Империализм как высшая стадия капитализма» именем *Н. Ленивцына*³⁶. В своё время версия Помпера зацепила и меня³⁷.

Историки, как и всякие позитивисты, не любят психоаналитических гипотез. Между тем в символическом смысле версия Помпера ничуть не хуже известных. Это видно из траектории последующей жизни Ленина.

О том, что Ульянов-Ленин был в гимназии «первым учеником», известно широко. Учителя его любили; учащихся он «подтягивал» — втянувшись в познавательный процесс, стал выступать в роли не только обучаемого, но и *поучающего*. А дома просто «бунтовал» против косного, как ему казалось, «порядка». Выдающийся интеллект в сочетании с холерическим темпераментом естественным образом порождал стремление растормошить «сонных» людей.

После смерти отца, казни брата и окончания гимназии, лишившись патерналистских сдержек, Ленин оказался в роли обычного — «вечно недовольного» — студента Казанского университета. Позднее, в Петербурге, чтобы занять ставшее привычным место наставника, он, словно по инерции, приступил к

³⁵ Дудаков С. В.И. Ульянов: знакомый незнакомец // Россия и современный мир. 2008. № 3. С. 121.

³⁶ Pomper P. The family background of V.I. Uli'anov's pseudonym, «Lenin» // Russian History. 1989. № 2—4. P. 209—211.

³⁷ См.: Булдаков В.П. Политические деятели 1917 года: взгляд из толпы // Власть и общество в России в первой трети XX в. М., 1994; Булдаков В.П. Ленин: парадоксы жизни и смерти // Русский исторический журнал. 2000. Т. 3. № 1—4; Булдаков В.П. Похожий на монтера человек. Ленин как маг-повелитель перепуганных людей // Независимая газета. 2001. 26 апреля.

созданию «своей» партии, по иронии судьбы получившей историческое имя большевиков. Но для начала предстояло самоутвердиться на фоне более известных «легальных марксистов». Удалось и это. В отличие от Струве, с его «Критическими заметками», он написал куда более внушительный труд «Развитие капитализма в России». Основная мысль книги: в сельском хозяйстве России, вопреки мнению народников, успешно развивается капитализм. Позднее он отмечал, что «перебрал» по части «успехов». Люди, поднявшиеся над собственными комплексами, со временем перестают стыдиться былых заблуждений.

Ленин-«учитель» по-разному «подавлял» людей. Как-то Богданов отметил огромный «внешний аппарат учёности» в его книге: «Тысячи имен и цитат проходят перед читателем в дикой пляске, оставляя в неопытном человеке чувство тревожной растерянности перед той бездной знания, в какую проникло глубокомыслие автора»³⁸. Однако Ленину этого было мало.

Из раннего ощущения чувства собственного превосходства над окружающими обычно рождаются деспотические характеры. У Ленина эта наклонность микшировалась стремлением встать вровень с главными мыслителями современности. Обратной стороной стало нетерпимое отношение к интеллектуальным конкурентам. Отсюда и глубочайшее почтение к покойным Марксу и Энгельсу, и болезненное разочарование в ещё одном кумире — Плеханове, и презрительное третирование «Иуды»-Струве. В результате в ближайшем окружении удерживались либо немногочисленные почитатели, глядевшие ему в рот, либо временные «попутчики». Остальные являлись или становились «врагами».

Конечно, не случись Первой мировой войны, феномен Ленин никак бы не состоялся. До 1914 г. он был знаком с трудами Гегеля лишь в пересказе Маркса. Предполагалось, что последний «материализовал» диалектику, поставив её «с головы на ноги». К необходимости изучения непосредственно Гегеля Ленин пришёл лишь в 1914 г., законспектировав «Науку логики». На полях он отметил, что «нельзя вполне понять “Капитал” Маркса, не проштудировав и не поняв *всей* “Логике” Гегеля». По его мнению, «никто из марксистов не понял Маркса ½ века спустя»³⁹. Эту «загадочную» фразу исследователи трактуют по-разному. Между тем у Ленина речь шла о «диалектике» не столько мысли, сколько *чувства*. Шок от мировой войны, казавшейся невозможной из-за тогдашнего скачка глобализации, связанного с колоссальным прогрессом экономики и финансов, был способен перевернуть сознание европейцев. Появилась масса умозрительных проектов тотального переустройства Европы: от социалистических «Соединённых Штатов Европы» (поддержанных Троцким) до консервативной пангерманистской «Срединной Европы» Ф. Науманна. Ленин предложил нечто более радикальное — «Соединённые Штаты Мира». Вспомнил он и о теории империализма Дж. Гобсона (1902), и о «революционной» колониальной периферии.

Но главное «открытие» заключалось в другом. Если империалистический мир воплотил в себе интеллектуальную ложь буржуазной эпохи, то «перевернуть» его сможет только идея-антагонист. Отсюда представление о превращении «войны империалистической в войну гражданскую». Вероятно, для того чтобы усвоить, что миром вопреки мнению экономистов правят идеи, Ленину следовало бы обратиться не к Гегелю, а к Ницше.

³⁸ Богданов А.А. Падение великого фетишизма... С. 194.

³⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 29. С. 162.

Считается, что Ленин только и делал, что менял взгляды, а потому всю его деятельность можно поделить на «периоды». Только в реальной жизни революционера-подвижника выделяются не периоды, а *траектории* — идей, мыслей, поступков. И они сливаются в траекторию *судьбы*. А от последней, как говорится, не убежишь.

Формально Ленин действительно только и делал, что «менялся». В этом вроде бы убеждают его тексты. Однако он оставался последователен в главном — в вере, которую исповедовал. Прочее было «тактикой». Ради примитивной, но энергетически мощной идеи-утопии, заложенной в «Коммунистическом манифесте» и превращённой в монументальную глыбу с помощью первого тома «Капитала», он был готов пожертвовать многим. Так, ради сохранения притягательной простоты учения Ленин злобно одёрнул «эмпириомонистов», не без оснований подозревая, что «усложнение» утопии ослабит её профетическую мощь; чтобы ослабить шок от лозунга «поражения собственного правительства» в начале Первой мировой войны, сочинил неуклюжую статью «О национальной гордости великороссов»; стремясь поддержать веру в грядущий тотальный переворот, начал писать «Статистику и социологию», привлекая внимание к революционному потенциалу империалистических колоний. Мучительно долго работал над энциклопедической статьёй «Карл Маркс», чтобы показать, что великий наставник мыслил «системно», а не формально-логически. Немалую изворотливость продемонстрировал также в «Государстве и революции», пытаясь убедить не только других, но и самого себя, что централизм «диктатуры пролетариата» это «высшая форма демократии». Наконец, на II съезде Советов фактически признал своим союзником «мелкобуржуазное» крестьянство.

Меняется всё. Не меняется разве что камень. И пресловутый «камень» (или «снаряд» Маркса) Ленин всегда держал за пазухой для борьбы против всех чужих, неверных и колеблющихся.

Конечно, в эпоху бессмысленнейшей из войн Ленин предложил утопичный план: из общеевропейского антивоенного бунта, поддержанного колониальной периферией, не мог вырасти мировой социализм. Но человека, всерьёз воспринимавшего «сны Веры Павловны» и взвинченного своеобразно понятию «диалектикой», уже ничто не могло смутить. И ему «повезло»: бывают времена, когда возникает грандиозная иллюзия воплощения утопий.

Революция и её образы

Февральскую революцию Ленин, подобно всем революционерам, «проглядел». Не удивительно: события разворачивались не по марксистскому, а скорее по бакунинскому сценарию⁴⁰. В стране с преобладающим крестьянским населением впору было ждать русского бунта — как всегда «беспощадного» (хотя не столь «бессмысленного»). Люди требовали окончания войны, не говоря уже о «земле и воле». Между тем метафорой, определяющей поведение европеизированной части общества, стала *демократия*. Но ей требовалась эмоциональная подпорка. И, как пронизательно высказался Троцкий, «чтобы бороться за конституцию, интеллигенции понадобился идеал социализма»⁴¹. В марте 1917 г. этот фактор сказался в полной мере. Однако в глазах традиционалистских низов

⁴⁰ Buldakov V.P. Révolution ou révolte? Nouvelles perspectives cent ans plus tard // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 2017/3 (№ 135). P. 159—174.

⁴¹ Троцкий Л.Д. Литература и революция. М., 1991. С. 265.

социализм выступил не учением неведомого Маркса, а синонимом вождельного социального рая. Нарастала жутковатая психоментальная ситуация: «Верования господствовали над идеями... Словесные формы царили без всякого понимания», а «в психике масс боролись два влечения: мечты о получении кусочка выгоды в новой жизни и скрытое сожаление о потерянном рае»⁴².

Глубинный антагонизм 1917 г. определялся не столкновением «пролетариата и буржуазии» и даже не противостоянием «верхов и низов», а остро выявившейся несовместимостью культур европеизированных элит и традиционалистских масс. Отсюда борьба символов: одни за «демократию», другие — за ещё более призрачный «социализм». Ленин попытался «диалектически» примирить то и другое, неслучайно впадая в вульгарную демагогию (символично, что особенно часто она лилась с балкона «модерного» дворца бывшей царской фаворитки М. Кшесинской).

За Лениным двинулся не столько «передовой класс», истощённый борьбой за выживание, сколько масса расхристанных солдат — недавних крестьян, уставших от «непонятной» войны. Сам он это понимал: «Лишённые возможности получить ясные руководящие указания, инстинктивно чувствующие фальшь и неудовлетворительность позиции официальных вождей демократии, массы принуждены ошупью сами искать пути... В результате под знамя большевизма идёт всякий недовольный, сознательный революционер, возмущённый борец, тоскующий по своей хате и не видящий конца войны, иной раз прямо боящийся за свою шкуру человек»⁴³. Примечательно, что «сознательный революционер» и шкурник поставлены в один ряд. Большевизм черпал силы из источника, который предписывал не Маркс, а Бакунин. Для осуществления подобной задачи требовалась доходящая до слепоты вера в осуществимость своих идеалов.

Характерно, что в 1917 г. Ленина невольно «подпирали» другие социалисты, тайно надеявшиеся, что ни один нормальный марксист не пойдёт на авантюру захвата власти. «Не бойтесь чрезмерно политических чрезмерностей Ленина», — успокаивал Чернов⁴⁴. Впрочем, впоследствии он показал себя более проницательным автором: писал, что «большой человек» Ленин «в нескончаемой фракционной борьбе развил в себе несравненную мускулатуру гладиатора, профессионала-борца... ежедневно изобретающего новые трюки и уловки, чтобы положить противника на обе лопатки». Обладание «изумительным хладнокровием, способностью в самых опасных положениях не теряться» делало его поистине неуязвимым (заметим, что Ленин действительно был неуязвим для политиков, пассивно ждавших прихода «хозяина земли Русской» в лице Учредительного собрания). Вместе с тем в «необыкновенной целостности натуры» заключался «секрет умения Ленина импонировать своим сторонникам». Что касается врагов, то они всегда были для него «не живыми людьми, а подлежащими уничтожению абстрактными величинами»⁴⁵.

Это видели многие. «Русские бунтари 1917 года выступили под знаменем марксизма, но их тактика и даже ближайшая их программа вовсе не совпадала с идеями научного социализма: они предали забвению все предпосылки соци-

⁴² Краинский Н. В. Психofilm русской революции. С. 109, 112.

⁴³ Ленин В. И. ПСС. Т. 32. М., 1962. С. 255—256.

⁴⁴ ГА РФ, ф. 5881, оп. 1, д. 370, л. 25—26.

⁴⁵ Чернов В. Ленин // Воля России (Прага). 1924. № 3. С. 31, 32, 37.

ального историзма и, подобно Бакунину, опираясь на тёмные непросвещённые массы, стремились ввергнуть страну во все случайности анархии со странною надеждою выплыть в океане бушующего строя “без руля и без ветрил”»⁴⁶. Сегодня, когда исследователи изучают возможности «нелинейного прогнозирования», сентенции Чулкова кажутся наивными. Ленин мог до бесконечности заклинать, что «учение Маркса всесильно, потому что верно», однако он так или иначе действовал по законам социально-революционной синергетики: сложноорганизованная система возрождается в результате тотальной эмоциональной перетряски на «клеточном» — человеческом — уровне.

События 1917 г. были для Ленина сплошной чередой мелких неудач, которые тем не менее обернулись триумфом. Возвращение через враждебную Германию поначалу никого не удивило, а позднее впечатлило не столь основательно. Ленинские «Апрельские тезисы» не без оснований сравнивали с бредом сумасшедшего, но Апрельский кризис показал, что массы способны пойти именно за «сумасшедшим». Ленин отнюдь не планировал июльский бунт в столице, который объявили сделанным на «немецкие деньги». Но даже это не помогло противникам — из реального политика Ленин превратился в революционный миф. Его поносили в сатирических журналах, о нём рассказывали небывлицы, однако в обществе крепло убеждение, что большевики вот-вот выступят, а противостоять им некому⁴⁷. Так, Оболенский вспоминал, что как раз в те дни вновь увидел Ленина, когда тот «произносил отвратительно-демагогическую речь с балкона особняка Кшесинской»⁴⁸. Но вождь адресовался отнюдь не интеллигентам типа Оболенского. Постоянные слушатели — преимущественно солдаты — подхватывали из его речей невероятный заряд ненависти, передаваемый, что примечательно, деловым, обыденным тоном⁴⁹. Происходил выплеск внутренней агрессии — рессентимента, аккумулированного «буржуазным прогрессом» и взвинченного неурядицами, связанными с продолжением войны.

Конечно, на оценки влияла и влияет позиция наблюдателя. Так, люди неуравновешенные особенно подвержены магии линейных причинно-следственных зависимостей. Отсюда бредовое представление: некогда в России «возник триумвират: Ленин, Плеханов и Струве», которому и суждено было «свалить Императорскую Россию и передать её в руки большевиков»⁵⁰. И подобная «логика» дожила до наших дней.

Понятия, управляющие людским мышлением, — не просто безобидные порождения свободного ума. Они влияют на повседневную деятельность, структурируют человеческие ощущения, поведение, отношение к другим людям⁵¹. С другой стороны, вложенные в концепты *метафоры* — а без них никогда не обходится — активизируют бессознательное со всеми вытекающими отсюда

⁴⁶ Чулков Г. Михаил Бакунин и бунтари 1917 года. М., 1917. С. 29.

⁴⁷ Булдаков В.П. Метанарративы и микронарративы Русской революции: к переосмыслению сложившихся представлений // Столетие русской революции 1917 года и её значение в мировой истории и культуре. Будапешт, 2018. С. 77—90.

⁴⁸ Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники. Т. 1. С. 237.

⁴⁹ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 416—418.

⁵⁰ Краинский Н.В. Психofilm русской революции. С. 37.

⁵¹ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М., 2004. С. 25.

последствиями⁵². Любые социальные теории имеют обыкновение приобретать особую эмоциональную, нравственную и даже эстетическую окраску соответственно *традиции*. Из всего этого и сложилась «красная смута», объявленная Лениным «рабоче-крестьянской» революцией.

Для понимания причин ленинской «победы» привычные теории не годились, много полезнее оказывалась интуиция. Получается, что она способна проснуться в людях, безнадежно перебравших все мыслимые теории современности. Стоит прислушаться к словам «одумавшегося» Струве: Октябрьскую революцию следовало бы сравнивать со Смутой XVII в.⁵³ Уместно вспомнить и С. Франка, который отмечал, что «русская революция по своему основному, подземному социальному существу есть восстание крестьянства, победоносная и до конца осуществлённая всероссийская пугачёвщина»⁵⁴.

Какая же революция победила в России? Триумфатором оказались не марксизм и не народничество, хотя риторика победителей включала и то и другое. Победила синергетика русского бунта, вызывающая к «своей» власти. В результате в марксистской оболочке возродилась историческая (авторитарная) власть, а помогли ей удержаться в пространстве русской истории догматическая умозрительность и политическая беспомощность интеллигенции.

«Доктрины-утопии» — а именно они взъярили массы в XX в. — тираничны даже по отношению к собственным творцам, не говоря уже об их последователях. Тех, кто пытается вырваться из их притяжения, обычно ждёт незавидная слава. Ленин испытал всё это в полной мере. Уже после октябрьской победы в беседе с М. Горьким он «проговорился»: «Русской массе надо показать нечто очень простое, доступное её разуму»⁵⁵. Строго говоря, «вождь мирового пролетариата» всю свою жизнь именно этим и занимался — разрушительная теория должна быть проста, как дубина троглодита. Доктрины, вопреки ригористам, живут своей собственной жизнью. Марксизм в его революционной ипостаси реактивировал старое как мир ощущение «чужого» в невиданных ранее масштабах — образы (капитализм, буржуазия, эксплуатация и т.п.), которыми он снабжал массовое сознание, исключали согласие между людьми разных культур. Так, за понятием прибавочной стоимости в известных социумах вставала метафора грабежа, воровства, растащиловки и т.п. В общем, не случайно Ленин, в отличие от всех прочих досоветских переводчиков Маркса, настаивал на переводе немецкого *Wert* как *стоимость*, а не как *ценность* (позитивный образ) — мощная метафора позволяет сфокусироваться лишь на одной стороне концепта и скрывает остальные⁵⁶. Неудивительно, что «безобидное» учение о прибавочной стоимости вылилось в призыв «Грабь награбленное!».

26 октября 1917 г. на II Всероссийском съезде Советов Ленин убеждал, что нужно «следовать за жизнью... предоставить полную свободу творчества народным массам»; на II Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов уверял, что «Россия выросла из того, чтобы кто-нибудь управлял ею»; в январе 1918 г. доказывал, что «богаче всего революционным опытом является сама революционная масса», помогающая «немногим десяткам “партийных людей”»,

⁵² См.: Эриксон М., Росси Э., Росси Ш. Гипнотические реальности. Наведение клинического гипноза и формы косвенного внушения. М., 1999. С. 250—252.

⁵³ Струве П. Размышления о русской революции. София, 1921. С. 32—33.

⁵⁴ Франк С. По ту сторону «правого» и «левого». Париж, 1972. С. 8.

⁵⁵ Горький М. Собр. соч. Т. 18. М., 1963. С. 273.

⁵⁶ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. С. 239.

но при этом упоминал о «чудовищной бездеятельности питерских рабочих» (имелась в виду их неспособность без помощи государства бороться с классовыми врагами, из которых на первый план вышли не капиталисты, а спекулянты и грабители)⁵⁷. Простейший контент-анализ убеждает, что место «гегемона-пролетариата» в риторике заняла бесформенная людская (народная?) масса. От поклонения пролетариату Ленин перешел к идее союза его с крестьянством (сначала со всем, потом с «беднейшим»), затем заговорил о «массе», активную часть которой составляли солдаты. Их озлобленность и привела Ленина к власти. Конечно, он это ощущал. Но его уже давно ничто не смущало.

Понятно, что сказывался ажиотаж ожидания *мировой* революции в условиях *внутрироссийской* Гражданской войны. «От побед Октябрьской революции до побед международной социалистической революции не может быть грани, взрывы в других странах должны начаться»⁵⁸. И тем не менее очевидно, что Ленин не управлял и не мог управлять ситуацией, как не управляли ею провалившиеся «герои» Февраля. В 1918 г. — самом «смутном» году российской истории XX в. — он доказывал, что «социализм не создаётся по указам сверху», ибо «его духу чужд казённо-бюрократический бюрократизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс». К этому добавлялось, что социалист должен полагаться «на опыт и *инстинкт* трудящихся масс»⁵⁹. Похоже на парафраз давних рассуждений Чернова об «активно-динамической школе социологии», которая «есть научный эквивалент практического революционного социализма»⁶⁰. Но лидер эсеров был патологически велеречив и многословен. Это убивает любую революционную идею.

Историки революции всё ещё недооценивают роль эмоций (сами пребывая при этом во власти эмоционально-конъюнктурных оценок). А потому в театре русской историографии одни и те же действующие лица попеременно высвечиваются то оптимистично ярким, то зловеще мрачным цветом. В перестроечное время в литературе развернулся парад былых противников Ленина, прежде всего «легальных марксистов». Удивляться не приходится: струвисты делали практически то же самое, что новые российские идеологи на похоронах ставшего ненужным марксизма. Но если первые были по меркам Клио людьми безответственными, то вторые заслуживали звания перевёртышей.

Историографические «откровения» *новых* струвистов выглядели несуразно: повторялось, что «легальный марксизм» стал теоретическим источником либерального народничества и «нового либерализма» (небрежная калька с ленинских высказываний), будучи при этом «самостоятельным явлением духа» и даже «проявлением либеральной ментальности России» (парафраз самих струвистов)⁶¹. Заявлялось, что Бердяева, Булгакова, Туган-Барановского объединяло одинаково негативное отношение и к капитализму, и к социализму⁶². Список таких работ растёт, воссоздаются наборы банальностей столетней давности. Имена «легальных марксистов» растаскиваются по диссертациям, причём дело

⁵⁷ Ленин В.И. ПСС. Т. 35. М., 1962. С. 27, 139, 266, 311, 313.

⁵⁸ Там же. С. 496.

⁵⁹ Там же. С. 57, 275.

⁶⁰ Чернов В.М. Философские и социологические этюды. С. 379.

⁶¹ Кетова Л.П. Марксизм как теоретический источник либерального народничества и «нового либерализма» // Россия в XIX — начале XX века. Ростов н/Д, 1992. С. 27—28.

⁶² Смирнов И.П. «От марксизма к идеализму»: М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев. М., 1995. С. 5, 221.

представляется так, будто они родились на свет готовыми «веховцами» и религиозными мыслителями, не ведавшими марксистского «греха». И, конечно, стало модным подчёркивать «мудрость и талант» Струве, а ещё больше — его «либеральный консерватизм» (сторонником которого в постсоветское время объявлял себя каждый мало-мальски грамотный бюрократ).

Имена экс-марксистов превратились в модные бренды. На деле для России куда большие последствия имела не их одиссея «бегства от марксизма», а предшествующий опыт грубого *внедрения* этой доктрины в интеллектуальную среду 1890-х гг. Что касается «высоконравственных» попыток замолить «грехи молодости», то содеянного не исправишь, даже расшибив лоб. В ситуации «восстания масс», характерной для XX в., легче усваивались не теории, а утопии, особенно наукообразные. «Легальные марксисты» поняли это слишком поздно. Незадолго до октябрьского переворота Струве назвал большевизм «смесью Карла Маркса с русской сивухой», а позднее признал, что «был дурак», приветствуя падение самодержавия. Российское бытие неуклонно воспроизводит существ, не ведающих творимого. Даже людей трезвого рассудка время от времени закручивает водоворот страстей. Но не они маркируют эпоху, а эпоха ставит на них свою печать — эфемерного триумфа или мнимо-очевидного поражения.

Времена меняются быстрее человека. Для одних пространство общественной мысли становится ярмаркой тщеславия, на которой можно выбрать нечто соответствующее претензиям историографического нарциссизма; для других — подобием ремесленного цеха для получения грантов. Бегство от «всеобъясняющей» теории может иметь не менее пагубные последствия, чем её инъекция в слабые людские умы. Поэтому историку не стоит спешить ни с возвеличиванием «победителей», ни с возведением монументов «незаслуженно забытым» фигурам прошлого.

Согласиться с этим непросто. Не только у каждого поколения россиян XX в. был *свой* «марксизм»; «свои» разновидности его обретали люди различного духовного склада, темперамента, ментальности — он был не теорией, а Верой, резонирующей с той или иной культурно-исторической средой. После «сталинского социализма» марксизм перестал восприниматься. И потому в наше время трудно понять, что находили люди в тогдашнем марксизме, (невольнo?) разорвавшем Россию между Прогрессом и Традицией.

Сегодня очевидно, что в России в равной мере провалились все: и марксисты, и народники, и осторожные либералы — такое случается с доктринами в переломное время. Во времена Ленина все российские интеллигенты (запоздалые позитивисты эпохи Просвещения) ошиблись, поскольку исходили из единственно различимой тенденции общественного развития, тогда как траектория движения истории всегда складывается из болезненного переплетения прорывов и откатов, «торжества разума» и «рёва племени». Они не улавливали, что человек по своей природе «прогрессист» ровно в той степени, которая позволяет ему чувствовать себя комфортно внутри привычных рамок исторического бытия. Он в любом случае обречён на существование внутри традиции, определяющей смыслы и саму суть наследуемой им культуры.

Конечно, у многих наследников-критиков Маркса «открылись глаза». Так, Бердяев подметил, что Ленин видел властный идеал в том, чтобы «следовать за жизнью», «предоставить полную свободу творчества народным массам», больше полагаться на их «опыт и инстинкт»⁶³. Стоило бы добавить, что пафос ленинских

⁶³ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 27, 275.

призывов к насилию смягчался надеждами на то, что рабочие и крестьяне сами сумеют овладеть «безошибочным искусством делать революцию»⁶⁴. После провала подобных чаяний, не говоря уже об иллюзиях мировой революции, исторический Ленин исчерпал себя.

В 1924 г. в связи со смертью «вождя» некоторые социалистические эмигрантские издания наконец-то заговорили о том, что «не столько Ленин управлял массами, как сам испытывал их бурное давление»⁶⁵ (этот феномен известен со времён Французской революции). Наиболее интересным выглядит заявление, что «гений Ленина» заключается в том, что он понял: «отныне царствовать будет хаос, и хаос он сделает своим оружием»⁶⁶. Примечательна в связи с этим анонимная заметка в берлинском «Социал-демократе», в которой отмечалось, что Ленин вовсе не старался «поднять стихию на ступень сознательности». Напротив, он относился к тем редким лидерам, которые «становятся во главе стихии именно потому, что ей подчиняются», обладал «редким чутьём к стихии», «умел улавливать все колебания стихии, её подъёмные порывы, как и судороги её разложения... и всем этим умел воспользоваться, чтобы на этом зыбком фундаменте воздвигнуть трон своей идее». При этом вождь революции должен «фанатично верить в свою историческую миссию»⁶⁷.

Бунтарство как таковое не является антиподом власти. В его основе лежит всего лишь отторжение от *безнадёжной* власти, предполагающее поиск новой власти-веры, способной возродить к себе должный — «сакрально-метафизический» — страх. Пожалуй, здесь налицо одно из тех запоздалых прозрений «классического» социал-демократизма, которые частично спасают его теоретическую честь. Троцкий, правда, выразил ту же мысль более ёмко: «Ленин есть головное выражение национальной стихии»⁶⁸. Беда социалистов, противостоявших Ленину, в том, что сами они *изнутри* революции использовали повадки обычного времени, несколько сдобренные левой риторикой.

При жизни люди видят в других то, что они способны разглядеть. После смерти «непонятых» или «излишних» гениев наступает пора гиперболизаций. Французский поэт А. Гильбо называл Ленина «грозным раскольников» и даже «новым Лютером», создавшим «схизму Интернационала», который, «шагая через трупы проститутов, куртизанов, изменников, строит... новый храм, пролетарский, мировой, атлетический»⁶⁹. Символика оказалась привлекательной. Через много лет британский историк Р. Сервис сравнил значение 10 ленинских тезисов с 95 тезисами Лютера, которые тот пришили к дверям Виттенбургского собора ровно 400 годами ранее⁷⁰.

Последовали ещё более впечатляющие образы и метафоры. Так, ученик Ницше Л. Матиас «разглядел» в Ленине «крестьянина космического масштаба»⁷¹. К. Каутский, несмотря на былые разногласия, признал его «колоссальной

⁶⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 37. М., 1963. С. 69.

⁶⁵ Слоним М. Великий неудачник // Революционная Россия (Прага). 1924. № 33—34 (январь—февраль).

⁶⁶ Талин В.И. У гроба великого диктатора // Заря (Берлин). 1924. № 1.

⁶⁷ Социал-демократ (Берлин). 1924. № 12 (январь—февраль).

⁶⁸ Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 211.

⁶⁹ Эфрос А.М. Поэзия войны и революции на Западе. М., 1926. С. 70.

⁷⁰ Service R. Lenin: a political life. Vol. 2: Worlds in collision. Hampshire; L., 1991. P. 156.

⁷¹ Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного насилия. Россия, 1920—1930 гг. М., 2012. С. 67.

фигурой, каких мало в мировой истории». Ещё один «ренегат» О. Бауэр призывал склонить социал-демократические знамёна «перед гением его воли, перед его революционизирующим весь мир делом» (эти двое не скрывали недавних разногласий с Лениным, полагая, что они ничтожны перед великим делом революции). Венгерский романист и эссеист А. Холичер называл Ленина «пробудившейся и громко звучащей совестью человечества», голосом, который «никогда не заглохнет». А основатель «Свободного германского культурного союза» А. Керр предупреждал: «Этот покойник будет каждый раз воскресать. В сотне форм. Пока из хаоса нашей земли не восстанет справедливость». Для Т. Манна это был «великий папа идеи, полный мирсокрушающего божественного гнева»⁷². Трое последних, отнюдь не коммунисты, были одного поколения с Лениным. Они мыслили соответственно идейным императивам тогдашней эпохи и потому способны были понять ленинский пафос. К нему неслучайно добавлялись христианские и солические символы, переполнявшие левую поэзию того времени — своего рода архетипические «обмолвки». Они словно долетели, наконец, до прагматичного Запада. Источниковед обязан всё это разглядеть и корректно оценить.

Цитируемые высказывания взяты из сборника отзывов на смерть Ленина. Конечно, это была коминтерновская акция. Редактор сборника В.Д. Виленский был «нераскаявшимся» троцкистом. Автор предисловия В. Сольский в 1929 г. стал невозвращенцем. Среди зарубежных коммунистов, искренне восторговавшихся Лениным, нашлись «перерожденцы», уже в 1920-х гг. отшатнувшиеся от реалий советского «социализма».

Но были и другие, чьё независимое мнение использовалось для поддержки культа покойного вождя. Политик и математик П. Пенлеве признавал, что Ленин — «поразительная личность, трудно понимаемая людьми Запада». Профессор Сорбонны и вице-председатель Лиги защиты прав человека В. Баш, не принимая революционного террора, отмечал, что Ленин «не боялся жестокости, когда она была нужна для дела, в которое он верил». Британский профсоюзный деятель Р. Вильямс полагал, что «потомство будет судить о Ленине как о самой великой личности», созданной войной и её последствиями. По его мнению, он «сочетал в своей личности совершенный идеализм с совершенным реализмом»⁷³.

Но прозвучал ещё один многозначительный отклик. Депутат рейхстага из «партии Стиннеса» К. фон Охеймб заявила: «Лениным я всегда восхищалась как человеком, который душу свою отдал за свой народ. Дай бог нашему немецкому народу в его тяжёлую годину человека, подобного Ленину!»⁷⁴ Это отдавало жутковатой символикой: «угольный магнат» Г. Стиннес считался человеком, расправившимся чужими руками с пацифистами вроде В. Ратенау и проталкивающим наверх А. Гитлера⁷⁵. Он хотел возродить «великую Германию», используя для этого мощные социальные программы и оратора-демагога. Ясно, что и в веймарской Германии пытались взять на вооружение по-своему понятый опыт «вождя».

⁷² Политики и писатели Запада и Востока о В.И. Ленине / Под ред. Вл. Виленского (Сибирякова), М., 1924. С. 16, 17, 19, 30, 27.

⁷³ Там же. С. 42, 43, 56.

⁷⁴ Там же. С. 26.

⁷⁵ Кантэр Я. Король республиканской Германии Гуго Стиннес. М.; Л., 1924. С. 13, 89.

Фигура Ленина порождала разительные перверсии социального воображения. В 1925 г. бывший колчаковский пропагандист Н.В. Устрялов, превратившийся в покаянного «сменовеховца», разделял убеждение, что в лице Ленина Россия столкнулась с «воплощённой стихией революции, медиумом революционного гения». Подобно тому, как христианство подчинило себе куда большее число народов, нежели римские императоры, «живые массы человеческие» во всём мире «с увлечением и азартом» заплатили ужасную дань «лукавству Исторического Разума», составленного из марксистских пророчеств⁷⁶.

Упомянутый Л.А. Данилкин лихо использует и реалии, и вымыслы, окружающие и окружающие Ленина. В дело идут и поверхностные аллюзии, и откровенный «стёб», привлекательный для «клипового» молодёжного сознания. Но его книга (сделанная в нескольких коммерчески завлекательных вариациях), безусловно, полезна. Она помогает преодолеть инерцию «кабинетного» восприятия её героя, а заодно отбросить постыдный конспирологический вздор.

Историю важно «чувствовать» изнутри, а не домысливать соответственно запросам близорукой современности. Ленина бесили авторы, стремящиеся «раскладывать всё по полочкам». Школярство убивает историю, однако наука, противоестественно совокупившись с утопией, уводит её в бесконечность самообмана. Троцкий пытался разрешить проблему «сознательного» и «стихийного», над которой до сих пор бьются исследователи ленинской мысли. «Марксизм считает себя сознательным выражением бессознательного процесса, — писал он. — Высшее теоретическое сознание эпохи сливается... с непосредственным действием наиболее... удалённых от теории угнетённых масс. Творческое соединение сознания с бессознательным есть то, что называют обычно вдохновением. Революция есть неистовое вдохновение истории»⁷⁷. Конечно, Ленин с Троцким проиграли. «Вдохновение» попросту иссякло, что случается со всеми революциями. Но идея осталась, и Троцкий отчаянно пытался вдохнуть в неё утопическую энергию до самого конца своей неприкаянной — и тоже символичной — жизни.

Дело не только и не столько в особенностях доктрины. Решающее значение приобретала специфика её восприятия людьми той или иной эпохи и культуры. Европейская ментальная традиция базировалась на рационализме, порождающем склонность к позитивизму и эмпиризму. Ленин и Революция смогли сбить, пусть на время, эту когнитивную установку. В результате возникла ситуация, когда марксизмом могли соблазниться и учёный-схоласт, и обыватель, твёрдо уверенный, что завтра будет лучше, чем вчера. «Восстание масс» усилило феномен «замещённой реальности». Неслучайно И.В. Сталин столь старательно манипулировал плановыми показателями «строительства социализма». Эстафету по-своему подхватил Н.С. Хрущёв, вздумавший к 1980 г. допрыгнуть до вождя коммунизма. И даже М.С. Горбачёв объявил перестройку продолжением дела Октября. Провал этих затей не поколебал имиджа марксизма. Все связанные с ним неудачи были отнесены к разряду личных ошибок и нелепостей.

Люди различают в прошлом то, что им «удобно» видеть. Этому подыгрывают словно выпрыгивающие из небытия идеи и теории, утопии и метафоры.

⁷⁶ Устрялов Н.В. Под знаком революции. Харбин, 1925. С. 73—76.

⁷⁷ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. М., 1990. С. 56.

Этот процесс бесконечен. Только не стоит забывать, что внутри него — живые и несовершенные люди, поддерживающие устойчивость своего непростого бытия с помощью вечно живой традиции. Они «отомстят» экспериментаторам.

Строго говоря, Ленин был *злым* порождением *злой* эпохи. Но, взглянув на него сквозь призму гегелевской диалектики, может показаться, что он стал *светлым* её отрицанием. А потому до сих пор ломаются копья в спорах о Ленине и революции.

Вопрос о живучести марксизма в России не следует сводить к насильственному навязыванию или конформистскому восприятию «монистического» взгляда на историю. Советский «марксизм» вырос из «чуда» революции. Он помог придать старому строю inferнальные черты, социальному насилию — сакрально-жертвенное качество, а его революционным плодам — облик «великого свершения». Массам он оставил в наследство перманентный образ врага — аналога нечистой силы в лице «буржуазии», а затем «мирового империализма». Всё это резонирует с природой человека. В связи с этим совсем несложно в очередной раз уверовать в непорочность полузабытого учения. А потому марксизм как последняя холистическая радикально-утопическая доктрина способен к бесконечной реинкарнации, ибо всякий очередной «прогрессивный» общественный строй словно в насмешку будет обещать всё что угодно, и при этом вновь не выполнять своих обещаний.